

ВСТРЕЧИ
ПО ВАШЕЙ
ПРОСЬБЕ

ЧАСТЬ МОЕГО СЕРДЦА...

ИВАН ПАВЛОВИЧ Мележ...
Лауреат Ленинской премии, народный писатель Белоруссии. Герои его книг разошлись по всей стране и поселились в миллионах домов и квартир... Это всегда заманчиво и волнующе — приоткрыть занавес в «святой святых» большого мастера, в его творческую лабораторию, где свершается таинство рождения Искусства, где денно и нощно клокоют страсти, бушуют войны, идет нещадная схватка Добра со Злом, Жизни со Смертью...

Естественно, наш разговор начался с романов «Люди на болоте» и «Дыхание грозы», удостоенных Ленинской премии 1972 года... Как возник замысел полесской эпопеи? Где, когда и почему вспыхнул тот незримый импульс, принесший художнику озарение?..

— Ответить на этот вопрос так же непросто, как непросто объяснить, когда и как писатель становится писателем...

Сердце по капле жадно впитывает в себя целый мир со всеми его сложностями и противоречиями. И вот однажды наступает миг, когда оно переполняется этим человеческим материалом. И тогда писатель уже не может не писать, — говорит Иван Павлович. — Нечто подобное произошло и со мной. Я родился и вырос в Полесье. Этот поистине удивительный край и еще более удивительные его люди, полешуки, вошли в мое сознание с тех пор, как я стал помнить себя... Я чувствую мерз в окопах, а перед моими

И. П. МЕЛЕЖ

глазами стояло мое жаркое Полесье. Я месяцами валялся в госпиталях — у моего изголовья стояли полешуки. Я писал роман о войне — они стояли за моими плечами, волна моего воображения. И вот пришел день, когда я отчетливо осознал: все, больше не могу, надо писать...

— Вы сразу решили писать дилогию? — Нет, вначале был замысел написать небольшую повесть о мелиораторах, о людях, которые дают Полесью новую жизнь. Но ведь всякое значительное жизненное явление — как

дерево: на поверхности только ствол да крона. И чтобы познать целое, писатель должен исследовать глубинную, «подземную» часть явления. Я решил рассказать о грандиозной революции в психологии, в мировоззрении полешука, о революции, произошедшей на великом переломе, на стыке двух исторических эпох. Изображение процесса коренных преобразований в материальной и духовной жизни человека, становление личности — самое интересное для художника. Мог ли я отказаться?

Работая над романом «Люди на болоте», я уже понял, что одной книгой не обойтись. Логика развития событий и характеров требовала продолжения. Так преобразился замысел, усложнялась моя задача. Помогало, что я когда-то работал в полесском райкоме комсомола, хорошо знал и понимал нелегкую жизнь партийных работников того края. Так родился Апейка, не предусмотренный первоначальным замыслом и очень дорогой для меня образ.

Я задаю вопрос, который, знаю, интересует каждого, кто читал дилогию.

— Иван Павлович, а кто стоит за Василем? Уж больно он достоверный и живой.

— Почти за каждым героем дилогии стоит вполне реальный, конкретный прототип. Но в каждом есть и мое. В Ганне, например, воплотилось мое представление о счастье, о любви, о самопожертвовании, о верности. В этом образе, наконец, и мое понимание человеческой гордости, особенно в моменты наивысшего испытания, когда надо переступить через многое, чтобы остаться гордым и благородным.

— И все же... кто стоит за Василем?

— Многое из того, что происходит в романах с Василем, можно было бы вписать в мою биографию. Но есть один конкретный человек, который «помог» мне написать Василя. У него, тоже, как и у Василя Дятла, разные

по цвету глаза. А вообще... в каждом из них частица моего сердца, моей души.

— Очень хочется, Иван Павлович, встретиться еще раз с Василем и Ганной. Можно ли надеяться на это?

— Надо ли говорить, что мне тоже не просто навсегда расстаться с Василем и Ганной. Полесье и полешуки все еще очень крепко держат меня...

— Ну что ж, в таком случае будем надеяться на еще один полесский роман... Я с умыслом употреблю этот жанровый термин, потому что на Западе не перестают кричать о «кризисе романа», о том, что жанр этот якобы устарел для нынешнего времени.

— Деграция сегодняшней буржуазной литературы и искусства стала бесспорным фактом. Но как существуют два разных мира, так существуют и две культуры. И я убежден, что у советского романа большое будущее. Ни один другой жанр не может сравниться с ним по возможностям, по глубине и масштабности исследования «человеческого материала», — говорит писатель.

— А на Западе говорят о неизбежной гибели литературы и искусства, видят этакого рокового их могильщика в науке и технике.

— В буржуазной философии есть даже целое направление — технологический детерминизм. Его суть: техника — главное, если не единственное, что предопределяет развитие общества, его материальную и духовную жизнь. Литература и искусство неизбежно будут раздавлены «машинной культурой», «технократической диктатурой»...

Действительно, наука и техника в последние десятилетия достигли триумфальных успехов. Расщепление атомного ядра, полеты в космос, кибернетика, лазеры, синтетические материалы... Но и литература и искусство останутся всегда тем, чем они были, есть и будут. Только станут еще весомее и значительнее. Я глубоко убежден в этом.

— А доказательства?

— Дело в том, что у нас, писателей, нет и не может быть конкурентов. Чем выше научно-технический уровень и социальная зрелость общества, тем выше, строже его, общества, требования к личности, к ее нравственным началам, морали, к человечности человека. А ведь это уже сугубо наша сфера действия. Литература и искусство занимаются с первого дня существования нашего социалистического государства формированием нового человека, развитием социального сознания личности, будят в Человеке творческое начало, художественное воображение, умение видеть мир в образах, т. е. воспитывают в нем чувство прекрасного, без чего Человек никогда не может быть полноценной личностью.

Если у человека не замрет от сладостного восторга сердце при виде вечерней зари или при звуках первой весенней песни жаворонка, если для него чужд и непонятен мир Чайковского и Бетховена, если он не способен пролить слезу, явную или тайную, сопереживая трагедию Ромео и Джульетты, он никогда не будет полноценной личностью, настоящим хозяином созданной им «умной» машины. Он будет «человеком при машине», и только. И если такие люди у нас еще есть, виноваты прежде всего мы, писатели. Просмотрели, не увлекли... Вот почему противопоставление научного и художественного мышления, их влияния на формирование личности считаю неправомерным.

— Отсюда следует, что задачи современного писателя усложняются?

— Еще как! Научно-технический прогресс поставил перед нами новые труднейшие проблемы. Усложнился мир вокруг человека, его социальные связи, взаимоотношения с обществом, стала более полифонична его духовная сторона. Все-таки информационный взрыв — свершившийся факт... Одно дело опозитизировать труд человека с косой или плугом и совсем другое — изобразить мысли, чувства, эмоции человека, стоящего у пульта современной электронно-счетной машины, уп-

равляющей технологическим процессом крупного предприятия.

Объекты, с которыми мы имеем дело, сугубо индивидуальны — что ни человек, то целый и неповторимый мир, Вселенная! Инженер, располагая точными данными о том, как была создана предыдущая машина, может ее повторить или создать еще более совершенную. Мы же, в точности зная, как был создан роман «Война и мир» или «Тихий Дон», никогда не сможем его повторить. В этом наша беда, но в этом, если хотите, и наше счастье — быть всегда оригинальными, а не копиистами...

— Меняется время, меняются проблемы. Какие из них представляются вам наиболее важными?

— По-прежнему одной из важнейших для писателя остается проблема взаимосвязи личности и общества. Социальная активность и пассивность, гражданская чуткость, личная ответственность человека за судьбы страны, мира, принципиальность и беспринципность, неомещанство, приспособленчество. Не будем забывать, что и отрицательный герой стал намного «умнее» и сложнее своих «праотцов». А это требует от писателя противопоставить ему личность значительную, крупномасштабную.

На столе у писателя лежит огромная, страниц на тысячу, рукопись. Во время нашего разговора я деликатно «не замечал» ее, но любопытство все-таки взяло верх.

— Новый роман?

— «Минское направление». Это называется «готовлю книгу к новому изданию»...

— Но ведь вам приходится работать не только за письменным столом, вы заняты большой общественной работой, много ездите по стране. Наверное, вам нелегко?

— Мне это просто необходимо, как писателю и как гражданину. Мои гражданские, депутатские обязанности помогают мне держать руку на пульсе времени, знать, чем живет народ, что его радует и что тревожит. Все это становится крайне необходимым, поистине бесценным, когда я остаюсь нае-

дине со своим письменным столом. Например, моя работа в Комитете защиты мира помогает мне каждым нервом, прямо-таки физически ощущать трагедию Вьетнама и Ольстера, драму угнетенных и угнетаемых наций «сильными мира сего». Это страшно, это больно, не дает спать по ночам. Но человек должен знать это, если он хочет остаться человеком. Литература — это ведь партийное дело, а я коммунист... А что касается доработки старых произведений, то что же поделаешь, слово, написанное в молодости, казалось непогрешимым, единственным, а теперь вот сомнения и сомнения... Так ли сказал? А нельзя ли лучше?

Он улыбается, предвидя традиционный вопрос, без которого от писателя не уходя.

— А вообще-то я человек очень жадный. Много хочется успеть. Опять по ночам стали ко мне приходиться полешуки. А что мне с ними делать, если начат роман о современном городе, о его людях? Хочется написать еще очень сокровенную, очень личную книгу — исповедь о своем поколении, которое в 20 лет приняло на себя страшную тяжесть войны. Мне и хочется ее написать, и я боюсь ее. Где-то в планах и набросках — книга о литературе. Дожидаются своей очереди и мои солдатские дневники. Хочу продолжить свою работу и в области театральной драматургии.

Что, много, несерьезно? Мне очень много надо. Хочу одного — успеть...

И хотя у меня были еще вопросы, я понял: больше у Ивана Павловича не надо ничего спрашивать. Потому что чем дольше он будет оставаться наедине с собой, тем лучше для него. А в конечном итоге и для нас, читателей...

Н. МАТУКОВСКИЙ,
собр. корр. «Известий».

МИНСК.

5 стр. **ИЗВЕСТИЯ**

4.9.72 г. № 208 (17136)